

На правах рукописи

СТЕПАНОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА

**ЖАНРОВАЯ ДИНАМИКА ПРОЗЫ Е. Д. АЙПИНА
КОНЦА 1970-х – НАЧАЛА 1990-х ГОДОВ:
ОТ ПОВЕСТИ К РОМАНУ**

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь 2026

Диссертация выполнена на кафедре языкоznания и литературоведения ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель:

Комаров Сергей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкоznания и литературоведения ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Ларкович Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования и журналистики БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Четина Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита диссертации состоится «___» 2026 г. на заседании диссертационного совета 24.2.358.02 по филологическим наукам в ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Учёного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Бурирева, д. 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <https://www.psu.ru/>. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ: <http://vak.gisnauka.ru/> и на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <https://www.psu.ru/>.

Автореферат разослан «___» 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

 М.А. Ширинкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Еремей Данилович Айпин (1948 г. р.) – общепризнанный классик хантыской литературы. В рамках творческого пути он работал в самых разных жанрах: пьеса, очерк, рассказ, повесть, роман, цикл. Е.Д. Айпин создал первый роман в истории хантыской словесности, за него («Ханты, или Звезда Утренней Зари») прозаик был номинирован на Нобелевскую премию. Его творчество признано за рубежом, отдельные произведения переведены на английский, французский, немецкий, испанский, венгерский, финский, японский языки. Прозаик является лауреатом нескольких литературных премий: журнала «Наш современник» за рассказ «Божье послание» (1991); губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы за книгу прозы «У гаснувшего очага» (1999); международной премии «Югра» в номинации «За вклад в югорскую прозу» (2013); премии «Литературной газеты» за вклад в отечественную литературу (2023).

Специалистами Зауральского региона создан ряд изданий, включающих анализ творчества Е.Д. Айпина и предлагающих познакомиться с отрывками из его текстов: учебные пособия «Литература Тюменского края» Г.И. Данилиной, Н.А. Рогачевой и Е.Н. Эртнер (1997 г.) и «Изучение литературы в региональном аспекте» С.А. Комарова, О.К. Лагуновой, З.Я. Селицкой (2011 г.), книга для чтения «Слово родного Севера» О.К. Лагуновой (1997 г.) и хрестоматии «Литература Тюменского края» Г.И. Данилиной, Н.А. Рогачевой и Е.Н. Эртнер (1996 г.), «Лукоморье» (1997 г.) и «Страна без границ» (1998 г.) Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой, «Мифология, фольклор и литература Ямала» Ю.И. Попова, Н.В. Цымбалистенко (2002 г.), «Хантыская литература» Е.А. Немысовой (1996 г.).

Творчество Е.Д. Айпина разнопланово актуализируется в монографиях исследователей литератур народов России: Е.С. Роговера (2007 г.), О.К. Лагуновой (2007 г.), Ю.Г. Хазанович (2009 г., 2019 г.), Е.В. Косинцевой (2010 г., 2020 г.), В.Л. Сязи (2018 г.), А.С. Жулевой (2020 г.), А.Н. Семёнова (2023 г.), в коллективной монографии «Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика» (2023 г.). Смена научной парадигмы (отход от социологического подхода как единственно возможного и правильного) обуславливает появление иных методологических решений исследования текстов Е.Д. Айпина. В частности, специалистами выработан этнофилологический подход, они акцентируют внимание на этнических, аксиологических компонентах, на мифофонклорной основе текстов, анализируют творчество прозаика, используя достижения учения об исторической поэтике.

Степень разработанности темы исследования. В научной рефлексии творчества Е.Д. Айпина можно выделить несколько этапов. Первый этап охватывает период с 1994 года по 2002 год и характеризуется появлением первых литературно-критических и учебных книг, осмысливающих творчество

литератур народов Севера, в том числе прозу хантыйского мастера слова, посвященную проблеме появления «чужих» на территории тайги: глава «На стremнине (Еремей Айпин)» из книги «Портреты без ретуши» К.Я. Лагунова (1994), глава «Роман Е. Айпина “Ханты, или Звезда Утренней Зари”» Г.И. Данилиной из книги «Литература Тюменского края» (1997). В этот период появляются первые литературно-критические статьи (С.А. Комаров, О.К. Лагунова, Г.И. Данилина, Ю.Г. Хазанович, Т.Н. Комиссарова, Р.П. Ляшева, Ю.И. Попов, Н.В. Цымбалистенко, М.Н. Умнова, Д. Самсон, Е. Тулуз (сборник «Хантыйская литература»), Л. Александрова (газета «Северный край»)), продолжающие анализ темы взаимодействия двух культур, а также первые научные статьи, характеризующие специфические национальные категории: интуиция встречи, дороги, единения, модель мира (О.К. Лагунова).

Второй этап рефлексии творчества Е.Д. Айпина (2003-2009) характеризуется появлением значимых монографий: «На моей Земле: о поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века» С.А. Комарова и О.К. Лагуновой (2003), В.В. Огрызко «В сжимающемся пространстве: портрет на фоне безумной эпохи» (2006), «Творчество Еремея Айпина» Е.С. Роговера и С.Н. Нестеровой (2007), «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)» О.К. Лагуновой (2007), «Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера» Ю.Г. Хазанович (2007). В.В. Огрызко использует биографический и социокультурный подходы к анализу текстов Е.Д. Айпина, Е.С. Роговер исследует поэтику его произведений в хронологической последовательности, С.А. Комаров, О.К. Лагунова и Ю.Г. Хазанович включают творчество прозаика в более широкий культурный контекст (русская литература и литературы народов Западной Сибири).

Третий этап (2010-2019) отличается появлением большого количества научных статей (О.К. Лагунова, С.А. Комаров, Е.В. Косинцева, В.Л. Сязи), посвященных определенным элементам поэтики текстов Е.Д. Айпина. Литературоведы используют этнофилологический подход и анализируют мотивную (мотив изображения), образную (образы праведника, возлюбленной, дерева, животных, птиц) и тематическую организации (темы семьи, песни) произведений прозаика, а также фиксируют особенности самоописания малочисленных народов Севера. Кроме того, во время данного этапа появляются монографии, посвященные исследованию определенных художественных категорий в прозе хантыйского мастера слова, а также продолжается фиксация связи литератур народов Севера с мифологией и фольклором: «Женские образы в хантыйской литературе» Е.В. Косинцевой (2010), «Художественная концепция любви в прозе Е.Д. Айпина» В.Л. Сязи (2018), «Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики» Ю.Г. Хазанович (2019).

Четвертый этап (с 2020 г.) рефлексии характеризуется появлением новых подходов к анализу текстов Е.Д. Айпина, использованных в монографиях Е.В. Косинцевой («Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код» (2020)), А.С. Жулевой («Три мира народа севера. Литературные образы» (2020)), А.Н. Семёнова («Аксиология прозы Еремея Айпина» (2023)), С.А. Комарова, О.К. Лагуновой, Ю.Н. Степановой, Ю.А. Цимбаловой («Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика» (2023)). В данных работах обозначены специфика развития литератур народов Севера, структуралистский, этнофилологический и аксиологический подходы к анализу произведений, выявлены особенности элементов структуры текстов в аспекте исторической поэтики. Важно отметить, что продолжается осмысление конструкции и элементов поэтики конкретных текстов хантыйского прозаика. Особое внимание исследователей привлекает третий роман Айпина «В поисках Первоземли»: Д.В. Ларкович фиксирует его мифологическую основу (миф о вечном возвращении), С.А. Комаров описывает его жанровую специфику, О.К. Лагунова анализирует композицию, тематическую и пространственно-временную организацию, систему персонажей.

Жанровый ракурс прозы Е.Д. Айпина на сегодняшний день исследован недостаточно. Особое внимание данному аспекту уделяют О.К. Лагунова, С.А. Комаров. Исследователи выявляют особенности жанровой структуры рассказа, повести, романа, элементы синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества в формировании жанров в творчестве хантыйского прозаика. Аналитики фиксируют особенности конструирования жанровых форм Айпиной. К.Я. Лагунов выявил в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» прием построения сюжета с помощью нанизывания воспоминаний, схожий с романом Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» («Бурунны полустанок»). О.К. Лагунова обосновывает неслучайность несоответствия конструирования жанровой формы романа Е.Д. Айпиной привычным моделям: нелинейное развитие романа, отсутствие изобразительности, четкого разделения зон автора и героя¹. С.А. Комаров акцентирует внимание на том, что текст «У гаснущего очага» создавался по готовому образцу (книге «Лад» В.И. Белова, так как данные произведения соотносятся в композиционном и тематическом аспектах).

В диссертации выдвигается следующая **гипотеза**: динамика, то есть укрупнение повествовательной формы, переход от повести к роману в прозе Е.Д. Айпина происходит благодаря механизмам конструирования жанровой формы, сформированным в повестном опыте, элементам поэтики повестей, являющимися импульсами для укрупнения или разветвления в романной форме, а также за счёт использования «готовых форм», функционирующих в

¹ Лагунова О. К. Взаимодействие этнокультурных сознаний: опыт исследования // Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. С. 158.

мировой словесности. Интенсификация этого процесса связана с трансформацией советской цивилизации в постсоветскую и риском изменения в ней положения малочисленных народов.

В связи с этим тема исследования характеризуется **низкой степенью научной разработанности** в обозначенных ракурсах, о чем свидетельствует отсутствие исследований, целенаправленно рассматривающих этапы жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина. Жанровый аспект творчества хантыйского прозаика обозначается обычно фрагментарно, специалисты лишь упоминают некоторые особенности жанрообразования в целом или конкретных текстов автора.

Объектом диссертационного исследования является проза Е.Д. Айпина конца 1970-х – начала 1990-х годов. **Предмет** – механизмы и импульсы жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина обозначенного хронологического отрезка.

Цель работы – исследовать пути движения жанровых форм прозы Е.Д. Айпина традиционалистского типа конца 1970-х – начала 1990-х годов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть характер перехода от рассказового мышления к повествованию в прозе Е.Д. Айпина конца 1970-х – начала 1980-х годов;
- 2) выявить механизмы и импульсы трансформации повести в роман в прозе Е.Д. Айпина второй половины 1980-х годов;
- 3) проанализировать влияние романного опыта на жанровую структуру повести Е.Д. Айпина начала 1990-х годов.

Материалом исследования являются «маленькая повесть» «Старшой» (1977), повести «В ожидании первого снега» (1978), «Звезда утренней зари» (1980, 1982), «В тени старого кедра» (1981), «Я слушаю Землю» (1983), роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990), книга «У гаснущего очага» (закончена в 1991, опубликована в 1998). Для сопоставления элементов поэтики жанровых форм в диссертации используются гомеровский эпос («Илиада» и «Одиссея»), роман Ч.Т. Айтматова «И дольше века длится день» («Бурунный полустанок») (1980), очерк В.И. Белова «Лад» (1979-1981).

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые целенаправленно системно и предметно описаны механизмы и импульсы трансформации рассказового мышления в повествование и далее в романное в прозе Е. Д. Айпина как писателя традиционалистского типа на переломном для автора хронологическом отрезке его творческого пути.

Методология исследования связана с целью и задачами диссертации: сочетание элементов учения об исторической поэтике, этнофилологического подхода к анализу литературных явлений и жанрового анализа текста.

Теоретико-методологическую базу составили труды специалистов, посвященные теории и истории цивилизаций (О. Шпенглер, С. Хантингтон, А. Тойнби, Л.Н. Гумилёв, А.Д. Синявский, И.Р. Шафаревич и др.), исследованию исторической поэтики (А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин,

О.М. Фрейденберг, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев, Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов, В.Н. Топоров, С.Н. Бройтман); отечественные исследования проблем повествовательных жанров (М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, В.В. Кожинов, Н.Л. Лейдерман, Г.А. Белая, Н.П. Утехин, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, В.С. Синенко, Г.Н. Поспелов, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек, Ю.В. Шатин, Ф.З. Канунова, Т.Л. Рыбальченко, Е.М. Букаты, Н.И. Глушков, Е.Ю. Гордеева), взаимосвязи поэтики, аксиологии и риторики текста (В.И. Тюпа, Ю.В. Шатин, И.В. Силантьев, К.К. Султанов, В.А. Суханов).

Методологической основой анализа поэтики и жанровой специфики текстов Е.Д. Айпина послужили работы Е.С. Роговера, О.К. Лагуновой, С.А. Комарова, Е.В. Косинцевой, Ю.Г. Хазанович, К.Я. Лагунова, В.В. Огрызко, Ю.И. Попова, Н.В. Цымбалистенко, Г.И. Данилиной, Д.В. Ларковича, А.С. Жулевой, А.Н. Семенова, С.Н. Нестеровой, В.Л. Сязи, Л. Александровой, Н.Г. Качмазовой, Т.Н. Комиссаровой, М.Н. Умновой и др. При анализе национального своеобразия текстов Е.Д. Айпина использовались труды по этнографии и её связи со словесностью В.А. Тишкова, Г.Д. Гачева, А.В. Головнева, К.Ф. Карьялайнена, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, А.М. Сагалаева, Е.В. Переваловой, Б.Н. Путилова, В.В. Блажеса, А.В. Пошатаевой, Е.М. Главацкой, Л.В. Кашлатовой. Учитывался и опыт западноевропейской аналитики (Д. Самсон, Е. Тулуз, П. Домокош).

Теоретическая значимость работы заключается в выстраивании жанрового аспекта исследования творчества Е.Д. Айпина, фиксирующего точки перехода автора от рассказа к повести и от повести к роману, особенности формирования у него повестного и романного мышления, механизмы и импульсы жанровой трансформации, отражающие специфику развития хантыйской литературы в условиях нарастания кризиса советской цивилизации.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при создании учебных пособий для преподавания младописьменных литератур народов России в высшем и среднем звеньях российского образования, а также для совершенствования методики анализа моделей жанровой динамики писателей малочисленных народов Севера.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Жанровая динамика прозы Е.Д. Айпина с конца 1970-х до начала 1990-х годов прошла пять фаз развития, при этом их специфика была связана с взаимодействием элементов синкретического и традиционалистского типов поэтики текстов.

2. Первая фаза – это переход от формата рассказового мышления к повестному, осуществлённый автором в тексте «Старшой». В нём показателен выбор Е. Айпиной производственной тематики как целенаправленный отход от изображения собственно «своего»,

мотивирующий ввод оппозиции «свой» / «чужой», что сформировало через неё хронотоп и систему персонажей этой «маленькой повести», но сохранило обозначенности противоположности сторон в качестве важного противоречия эпохи.

3. В рамках второй фазы (повесть «В ожидании первого снега») прозаик редуцирует конфликтность противостояния сторон за счёт мотивов доверия «своих» выбору и силе Микуля и рассмотрению лагеря «чужих» как способных выдвинуть потенциальных союзников понимания законов Земли. Это порождает внутри художественного текста эффект изображения процесса как судьбоносного и обнадеживающего для мира хантов и его восприятия читателем, а также мифологизирует смысл заглавия, однако это решение ощущается как условное и неперспективное.

4. Смена адресата повести (невзрослые) является решительным шагом для Е. Айпина к изображению собственно своего мира и ухода из оппозиции «свой» / «чужой», даёт возможность автору мотивированно включить в ход событий элементы фольклорного опыта, отсылки к реалиям родовой жизни нескольких поколений и семейств («В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю»). В этом особенность третьей фазы жанровой динамики поисков прозаика.

5. Мотив движения, позволяющий увязать внешнее и внутреннее при изображении героя и столь важный в хантыйской картине мира (в различии живого и мёртвого уграми), диктует Айпину развивать именно сюжет путешествия. Он возвращается к взрослому читателю в повести, удерживая при этом идею рода из «детских» повестей, теперь трактуемого как «миф о народе». В данной логике возникает четвёртая фаза жанровой динамики, в её рамках повесть «Звезда утренней зари» сначала пишется и публикуется, а затем трансформируется автором в первый хантыйский роман. Создание точек нанизывания и разветвления событий за счёт встреч персонажей и их воспоминаний позволяет Айпину укрупнить художественную форму и расслаивать время событий на настоящее и прошлое. Эта повествовательная техника закрепляется на практике миросозерцательным принципом «перетекания», характерным для хантыйской картины мира.

6. В основе этой трансформации – развёртывание языческих представлений о мире и человеке, а также погружение в свободу «готового слова», открытая проективность на его авторитетные литературные образцы («Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Буранный полустанок» Ч.Т. Айтматова). Механизмы традиционалистской культуры поддерживают работу автора, по уже признанным решениям осваивающего сферу своего разнопроцессуального мира, превращающего его в словесную конструкцию для читателя, которую он композиционно закольцовывает мифом об Ушедшем Вверх Человеке.

7. Однако эта способность говорить о человеке и мире через миф о своём народе в укрупнённой форме промотивировали прозаика, отбросив

ранее найденные сюжетные и хронотопические решения, но развивая масштабную раму художественной формы, создать по русскому образцу («Лад» В.И. Белова) свой образ книги, со своей структурой глав, тематической организацией и фольклорным дискурсом, тем самым трансформировав имеющийся романский опыт в жанровую конструкцию «повествования», близкую к традиционалистским формам ансамблевых текстов. Это наглядно дистанцировало текст «У гаснущего очага» от очерковой установки беловского «Лада». Так завершилась пятая фаза жанровой динамики прозы Е. Айпина обозначенного периода, открыв ему путь к созданию нового романа («Божья Матерь в кровавых снегах»).

Степень достоверности результатов исследования определяется системным анализом динамики жанрового мышления хантыйского прозаика с опорой на исследования, отражающие особенности развития традиционной культуры этноса (миф и фольклор) и литературы малочисленных народов Западной Сибири, а также специфику жанровых систем синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования представлены в форме докладов на следующих конференциях: 39-ая Международная научно-практическая конференция «Православные истоки русской культуры и словесности» (Тюмень, 2016), XXVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2019), VIII Международная научная конференции молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2019), 42-ая Международная научно-практическая конференция «Православные истоки русской культуры и словесности» (Тюмень, 2019), XXX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2023), LII Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (Санкт-Петербург, 2024), 62-ая Международная научная студенческая конференция МНСК-2024 (Новосибирск, 2024), Международная научная конференция «Современные пути изучения литературы» (Смоленск, 2024).

По теме диссертации опубликовано 13 работ, в том числе 5 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, а также раздел в коллективной монографии, вышедшей в столичном издательстве «Наука». В опубликованных работах достаточно полно изложены материалы диссертации.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, включающего 322 наименования. Объём работы – 271 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени разработанности научной проблемы, обозначаются научная новизна, методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются рабочая гипотеза, цель и задачи исследования, положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Фазы развития и формирования повестного мышления Е.Д. Айпина», состоящая из трех разделов, посвящена описанию перехода от рассказового мышления к повестному, а также фиксации значимых составляющих поэтики повестного мышления, выражающих кризисное состояние эпохи.

В первом разделе «“Старшой” Е.Д. Айпина: рассказ или маленькая повесть» описывается первая фаза жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина конца 1970-х – начала 1990-х годов. Текст «Старшой» является переходным форматом между рассказовым и повестным мышлением хантыйского прозаика, что подтверждается обозначенностью текста автором в одном из изданий (1979 г.) как «маленькая повесть». В «Старшом» Е.Д. Айпина сочетаются жанровые признаки рассказа и повести, причем признаки второго преобладают.

Свойством рассказового мышления в тексте является раскрытие только одной стороны действительности²: автор освещает проблему нефтедобычи. Однако жизнь главного героя в сжатом формате представлена в разных аспектах (трудности во время работы; взаимоотношения с русскими буровиками и Татьяной), что является свидетельством тяготения прозаика к жанру повести. Исследователи отмечают, что повесть обычно отражает переломные эпохи и их отдельные проявления, её интересует изображение взаимодействия окружающей среды и человека³. В «Старшом» предметом изображения становится время активного освоения нефтяных месторождений на территории хантов. Закономерно в тексте появляются герои другой культуры и созданное ими пространство (звуковое наполнение, оборудование, транспорт, сооружения буровой). В жанре повести частотны противопоставление «свой»-«чужой», а также ситуация испытания героя, которая связана с необходимостью выбора позиции⁴. Данная оппозиция определяет кульминацию «маленькой повести» (противоречие в поведении «своих» (Никита Ларломкин) и «чужих» (Венька) в критической ситуации). В тексте наблюдается нерасчлененность зон автора и героя, этическая оценка автора совпадает с позицией главного героя (непринятие поведения Веньки).

² Утехин Н. П. Некоторые закономерности развития жанра // Русская советская повесть 20-30-х годов / Под ред. В. А. Ковалева. Ленинград: «Наука», 1976. С. 9.

³ Утехин Н. П. Некоторые закономерности развития жанра // Русская советская повесть 20-30-х годов / Под ред. В. А. Ковалева. Ленинград: «Наука», 1976. С. 13.

⁴ Тамарченко Н. Д. Формирование новых канонов. Повесть // Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2011. С. 86-87.

Во втором разделе «“В ожидании первого снега” Е.Д. Айпина: соотношение “своего” и “чужого” в структуре повести» рассматриваются особенности второй фазы жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина обозначенного периода. В повести «В ожидании первого снега» автором продолжается осмысление последствий нефтедобычи на территории хантов. Ощущение тревоги за будущее тайги проявляется в разных вариациях и скрепляет события в сюжетную линию повести, онтологичность изображенного подчеркивается переживаниями о возможности потери связи с природой, родом⁵. Мотив ожидания становится сюжетообразующим элементом и имеет широкий философский смысл: вся Вселенная и её жители ждут, чем завершится неожиданный выбор главного героя.

Все элементы поэтики повести подчинены оппозиции «свой»-«чужой», которая в свою очередь делится на ряд изоморфных противопоставлений: 1) пространство тайги – пространство буровой: ландшафт тайги – ландшафт буровой; слуховой код тайги – слуховой код буровой; ольфакторный код тайги – ольфакторный код буровой; 2) восприятие времени в тайге – восприятие времени на буровой; 3) образ героев-хантов – образ героев-русских.

Пространство буровой проникает в природный мир (появляются не свойственные природе сооружения), громкие звуки и неприятные запахи влияют на эмоциональное и физическое состояние главного героя. Природный ландшафт описывается как живой организм, однако рядом с буровой тайга теряет жизненную силу, погибает. В сознании главного героя повести пространство неотделимо от времени: круговая схема календаря определяет основную деятельность человека. Статичное же пространство буровой имеет четкую шкалу времени: смены, перерывы, упоминания точного времени, разделение на рабочие и выходные дни.

Не только пространственно-временные структуры повести, но и система персонажей построена на противопоставлении «свой»-«чужой». Изображаются не характеры, а типы, у которых отсутствуют подробные описания портретов, внутреннего мира, автором делается акцент на однородных свойствах⁶. Для героев-хантов характерны невыделенность из родовой общины, чувство связи с предками, фиксация рода, наличие типовых качеств (суровость, молчаливость), отпечаток природного мира на внешнем виде. В повести также обозначены отличительные черты буровиков: поведение (веселый нрав), детали портрета, указывающие на недоверие главного героя, а также на тяжелую работу. Однако наблюдается и акцент на характеристиках, которые располагают Микуля к «чужим» (например, отнесенность к определенному роду). Образ Нади выделяется среди русских героев, он построен с помощью деталей природного мира, а её душевые качества демонстрируют схожесть с хантами: немногословность,

⁵ Белая Г. А. Художественный мир современной прозы. М.: Наука, 1983. С. 140.

⁶ Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Ленинград: Советский писатель, 1979. С. 124.

способность замечать природные изменения, понимать мифологическую основу бытия и др. В тексте четко противопоставляются поступки «своих» и «чужих», что демонстрируется через взаимодействие с природным миром, однако к финалу появляется ощущение «сближения», стираются границы оппозиции «свой»-«чужой» (герои учатся друг у друга правилам тайги и буровой), но не исчезают окончательно.

В третьем разделе «**Повести для детей: адресат как оправдание разговора о “своём”**» выявляются особенности третьей фазы жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина конца 1970-х – начала 1990-х годов. В повестях для детей «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» хантыйский прозаик сосредоточился на изображении «своего» мира, что определилось изменением адресата. В повестях зоны автора и героя, а также героя и читателя не дифференцированы, это создает ощущение погружения в повествование о хантыйском мире.

Система персонажей строится по иерархической системе внутрисемейных отношений: взрослый рассказывает, ребенок слушает, запоминает, использует знания. В текстах память является особым инструментом в воспитательном процессе маленьких героев, позволяющая соприкоснуться с предками (например, Стреляющим Глухарем). Главный герой благодаря устным рассказам учится мастерству охоты, узнает о типовых моральных качествах хантов. Некоторые события из прошлого не всегда повествуются как воспоминания, а сливаются с основной сюжетной линией, повторяя и закрепляя важные правила жизни хантов. В повести «Я слушаю Землю» проводником в духовный мир хантов была мама: она учит уважать мальчика все живое, с помощью представителей природного мира учит важным нравственным качествам человека, рассказывает обычай, поверья хантов. В повестях для детей также описывается особое восприятие идеи родственности: обозначенность принадлежности к роду, происходящему от животного, а также фиксация родственной ветви, включающей всех живых существ Вселенной. Кроме того, неотъемлемой частью воспитания главных героев были животные и природные объекты.

Проза Е.Д. Айпина характеризуется неосознанным сочетанием различных дискурсов. В повестях «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» используются фольклорные жанры, имеющие мифологическую основу и демонстрирующие разные аспекты жизненного уклада хантов: сказки, сказания, легенды, предания, загадки, приметы, устные рассказы о предках.

Во второй главе «**Факторы трансформации повести Е.Д. Айпина в роман**», состоящей из четырех разделов, рассматриваются вариации использования мотива движения в фольклоре и мифологии хантов, в повестях «В ожидании первого снега», «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю», а также выявляется специфика конструирования сюжета путешествия повести «Звезда утренней зари». Данные элементы поэтики становятся механизмами

и импульсами жанровой трансформации повести в роман в прозе Е.Д. Айпина.

Первый раздел озаглавлен «**Мотив движения как элемент “готового слова” в мифологии и фольклоре хантов**». В хантыйской культуре мотив движения является архетипическим. Герои хантыйских мифов, сказок, легенд, преданий перемещаются в пространстве с определенными целями: охота, совершение подвига, поиск невесты, поиск своего народа, поход в гости, исполнение поручения, одоление врагов, создание мира. В фольклоре хантов проявляется связь мотива движения с мотивами следа и побега.

В мифологии и фольклоре хантов внешнее пространство предназначено для перемещения мужчин, женское же пространство ограничено домом, однако есть и нарушения этого правила. В сказках также описывается движение в пространстве представителей животного мира: олень, лось, медведь, волк. В вертикальном пространстве перемещаются птицы, природные объекты и люди, если речь идет о перемещении из одной сферы в другую. Кроме того, в мифологии и фольклоре хантов встречаются движения, лишенные физических перемещений, то есть движения мысленные. Например, герои думают о перемещениях представителей природного мира. В фольклоре хантов используется мотив-«речь», то есть герой с помощью речи другого героя провоцируется на передвижение⁷. Данная речь может выражаться в виде предостережений о будущем перемещении, предостережений, обусловленных прошедшими событиями, которые могут повлиять на перемещение героя, а также мотив-«речь» обнаруживается в случаях затруднительной ситуации.

Обозначенные положения детализируются в разделе «**Мотив движения в повести “В ожидании первого снега” в аспекте фиксации разности культур в ситуации встречи**». В повести противостояние «своего» и «чужого» миров тесно сопряжено с мотивом движения. Он связан с мотивом ухода, наличествующем в фольклоре хантов, и мотивом тревоги, отражающим состояние всего народа (непонимание, страх потери гармонии существования с природой). В повести очевидно не только физическое, но и мысленное движение героев: мотив движения связан с мотивом памяти. Воспоминания помогают главному герою справиться с неуверенностью в выборе жизненного пути, с чуждостью пространства буровой. Они также мотивируют Микуля к движению, направленному в привычное пространство.

Физическое движение на буровой ограничено пространством сооружений, расписанием рабочего времени. До приезда на буровую Микуль перемещался только в горизонтальном пространстве (ездил на охоту, рыбалку), на буровой появилась необходимость перемещаться в вертикальном пространстве (например, подниматься на вышку). Помимо перемещения на буровой, появляются новые маршруты: в выходные герои

⁷ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 146.

отправлялись на базу. Не желая потерять связь с природой, главный герой постоянно перемещается из пространства буровой в пространство тайги, наблюдает за жизнью тайги, не перестает ориентироваться на движение природного мира (солнце, луна). Глагольные коннотации выражают темп движения главного героя: 1) быстрый темп связан со стрессовым состоянием («умчаться»); 2) медленный темп – с умиротворенным («бродить»). Для описания движения природных объектов Айпинным используются олицетворения.

«Чужие» влияют на перемещения главного героя: он несколько раз уходит в природный мир, чтобы справиться с потрясениями от неприемлемых для хантов поступков буровиков (уничтожение соснового бора, убийство важенок и олененка). Несмотря на различия между буровиками и Микулем, наблюдается сближение главного героя с «чужими», что является проявлением духовного движения. Невозвращение Микуля – знак того, что молодой охотник по-новому осознал свой долг перед землей, его задача помочь «чужим» понять, принять и руководствоваться правилами жизни хантов.

В третьем разделе **«Изображение движения в повестях Е.Д. Айпина для детей как формульность жизненного пути хантов»** рассматривается фиксация традиционных представлений о начальном этапе жизненного пути хантов и его составляющих (животный мир, природный мир, небесные объекты, строение Космоса и др.) посредством мотива движения.

В повестях «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» мотив движения связан с мотивом памяти. Память становится проводником между предками и главными героями, она помогает мысленно перемещаться сквозь время (из настоящего в прошлое и наоборот). В повестях мотив движения характеризуется описанием движения времени, которое отражено в названиях глав, в смене времен года, осуществляющей благодаря описанию внешних характеристик небесных светил, изменения ландшафта, а также через включение фольклорного дискурса. Движение во времени может быть физически выраженным, но может быть и лишено физических проявлений, то есть мысленное, духовное перемещение (например, думы о направлении будущего пути). На движение в пространстве указывают заглавия повестей, фиксирующие географические параметры физического перемещения и характеризующие место, где оно происходит.

Движение в горизонтальном пространстве героев связано с традиционными занятиями, меняющимися в зависимости от сезона (рыболовство, охота на пушного зверя, переезды в сезонные селения), с родственными отношениями, с отношениями между людьми и животными. Движение персонажей происходит и в вертикальной плоскости, если речь идет о перемещении души (Нижний и Верхний миры). Герои в повестях Е.Д. Айпина нередко размышляют о действиях, связанных с движением не явным, но предполагаемым: 1) предположение о причине совершенного

действия; 2) размышления о действии, которое, возможно, могло бы произойти; 3) размышления о действиях, совершенных в прошлом (мотив следа). В повестях описывается также движение в двух плоскостях (горизонтальной и вертикальной) животных (медведь, олень, собака, журавль, волк, бурундук), птиц (халей, ворона, журавль) и природных объектов (деревья, травы, реки, солнце, луна). Все перечисленные живые существа в хантыйской культуре имеют сакральное значение и являются неотъемлемой частью бытия человека. В повестях также акцентируется внимание на изменениях положения тела (если речь идет о человеке, животном, птице) или его частей (если речь идет о дереве, траве, кустарнике), эти движения выражают определенные чувства и эмоции: страх, беспокойство, недоумение, осторожность, злость, благодарность, интерес, любопытство.

Четвертый раздел озаглавлен «**Повесть “Звезда утренней зари”:** сюжет путешествия и миф о народе». Как известно, повесть «Звезда утренней зари» в последующем трансформируется в роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари», что становится возможным благодаря сюжету путешествия, являющегося продуктивным звеном для перехода к жанру романа в сознании писателя традиционалистского типа.

В повести сюжет путешествия связан с мотивами отправки и встречи, наличествующими и в фольклоре хантов, а также с мотивом тревоги, сопровождающим главного героя на протяжении всего пути. В литературе традиционалистской фазы развития словесного творчества встречается тип героя, вверяющего себя судьбе, например Эней, которого В.Н. Топоров называет «человеком судьбы»⁸. Как и Эней, Демьян и другие персонажи доверяют судьбе и принимают все, что им уготовано. Пространство и знаменования Вселенной оповещают главного героя о воле судьбы (примета, песня Вселенной), он находится всегда в тех местах, что предопределила ему судьба.

Сборы в поездку демонстрируют в повести первое проявление оппозиции «свой»-«чужой»: с появлением русских у героев возникают новые маршруты движения (поселок, магазин, школа-интернат). На протяжении всего путешествия главный герой размышляет о проблемах взаимоотношений с русскими, что отражается на движении нарты с оленями (быстрый темп оленей символизирует мысль о важности сохранения пространства «дома»). Подробные описания движения оленей иуважительного отношения к ним главного героя подчеркивают их ценность и усиливают ощущение боли после потери важенки в finale повести.

На протяжении пути наблюдается не только физическое, но и мысленное движение главного героя: думы об изменении жизни в тайге, о родственности. Они становятся стимулом для движения физического. В повести обозначены три встречи с «чужими»: 1) случайная встреча на Родниковом озере с буровиками; 2) намеренная встреча Демьяна с

⁸ Топоров В. Н. Эней – человек судьбы: В 2 ч. М.: Радикс, 1993. Ч. 1. С. 7-8.

буровиками; 3) встреча Демьяна с начальником Медведевым (в отличие от романа, в finale повести Медведев просит прощения у Демьяна за поступок его подчиненных). Две последние встречи – это попытки главного героя найти способ восстановления гармонии бытия.

Судьба и путь главного героя сливаются с судьбой народа ханты за счет ввода рефлексии персонажа, не отделяемой от повествователя. Мифологическое и реальное пространства на протяжении путешествия Демьяна постоянно соприкасаются, сосуществуют, зависят друг от друга: герой слышит музыку Вселенной, думает о Звезде утренней зари и представляет себя ею. Повествование приобретает мифологические черты и воспринимается как «миф о народе», что открывает возможность трансформации повести в романную конструкцию.

В третьей главе **«Первый хантыйский роман: опорные факторы художественного успеха»**, состоящей из двух разделов, рассматриваются механизмы и импульсы трансформации повести в роман, представляющих основу четвертой фазы жанровой динамики в прозе Е. Д. Айпина конца 1970-х – начала 1990-х годов.

Первый раздел озаглавлен **«Проективность романной конструкции как вид работы с “готовым словом” (Гомер, Ч. Айтматов)»**. Исследование показало, что Е.Д. Айпин трансформирует повесть «Звезда утренней зари» в роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» за счет использования «готового слова» в двух его вариантах: 1) осознанное заимствование механизмов и приемов конструирования романной формы (Ч.Т. Айтматов «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»)); 2) бессознательное использование «готовых форм», существующих в культурном поле (гомеровский эпос).

Е.Д. Айпин вслед за Ч.Т. Айтматовым применяет включение кумуляции воспоминаний в качестве механизма разветвления основной сюжетной линии. События в текстах обоих авторов расположены не в хронологическом порядке, некоторые воспоминания встраиваются в другие, наблюдается слияние временных пластов, стыками/переходами «нанизывания» эпизодов становятся предметы, географические места, следы, животные, человек, его внешность. Ч.Т. Айтматов и Е.Д. Айпин включают в романы различные дискурсы (фольклорный, публицистический и др.), конструирующие поэтику на разных уровнях: сюжет, система персонажей, хронотоп. Ориентируясь на тематическую и композиционно-идейную организацию, систему персонажей и финал романа Ч.Т. Айтматова, Е.Д. Айпин расширяет тему памяти (размышления о невозможности потери памяти), являющуюся основой повестного опыта, использует идею вечного повторения или возвращения, конструирует образы героев и финал, демонстрирующий противопоставление духовного начала «своих» и «чужих».

Тип героя в гомеровском эпосе сопоставим с типом героя в романе Е.Д. Айпина: герои обладают определенной отличительной чертой, поступки и чувства имеют внешнюю мотивировку (влияние божественных сил или

потусторонних существ)⁹, детали внешности появляются, если они значимы для движения сюжета или отражают внутреннее состояние¹⁰. В гомеровском эпосе и в романе Е.Д. Айпина пространственно-временная организация строится по следующей модели: в них мифологическое и реальное (профанное) время и пространство сосуществуют и влияют друг на друга. В поэмах Гомера зафиксированы несколько вариантов понимания судьбы: 1) судьба выше богов; 2) судьба отождествляется с богами; 3) боги выше судьбы¹¹. Понимание судьбы Е.Д. Айпина совпадает с гомеровским в первых двух случаях: отождествление судьбы с Вселенной и с Верховным богом Нум Торымом. В сознании его героев боги не могут быть выше Вселенной, они соединяются с ней в единое целое.

Во втором разделе «“Ханты, или Звезда Утренней Зари”: к специфике языческого романа» рассматривается влияние хантыйских языческих воззрений на конструирование образов героев, сюжета, событий, хронотопа в романе Е.Д. Айпина. В романе традиционалистского типа человеку не принадлежит инициатива, события предопределены судьбой¹². Герои романа Е.Д. Айпина верят в силу судьбы, а если и пытаются предотвратить роковые события или выражают неприятие, то в конечном итоге убеждаются, что ей невозможно противостоять. Поведение героев также может зависеть и от влияния сил Нижнего мира (поступки Коски Малого и Кровавого Глаза). Кроме того, хантыйским прозаиком используются мифологический и фольклорный дискурс для конструирования романной формы в целом на разных уровнях поэтики: сюжет, событие, система персонажей, тематическая и мотивная организации текста.

Ситуации встречи с «чужими» в тексте предопределены судьбой: первая встреча (завязка) становится импульсом к желанию заехать на обратном пути к «чужим», вторая встреча (кульминация) становится нарушением вселенского баланса (душа важенки больше не сможет начать новый жизненный цикл). Е.Д. Айпин организует пространственно-временной континуум романа благодаря включению встреч главного героя и с людьми его рода, мотивирующими думы главного героя о «ветвях» родословной, направленным в разные промежутки бытия, что, в свою очередь, возможно в силу действенности коллективного сознания и культа предков.

Пейзаж в романе подается через призму восприятия природы как одухотворенной сущности: объекты природы наделены свойствами живых существ (чувства, эмоции, цикличность бытия). Герои-ханты характеризуются верой в то, что человек и окружающий мир являются одним целым, что в тексте проявляется благодаря феномену песни / пения Вселенной, сакральной силе огня. Животные как часть системы персонажей

⁹ Лосев А. Ф. Гомер. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 259.

¹¹ Там же. С. 334-337.

¹² Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 21.

взаимодействуют с людьми или другими животными с помощью невербальных диалогов, имеют внутрисемейную иерархию, их судьбы сопоставимы с судьбами людей.

Путешествие Демьяна происходит в горизонтальной плоскости, однако в романе наблюдается и вертикальное движение как вариант разных форм бытия. В finale романа происходит метаморфоза, Демьян, став Звездой Утренней Зари, берет на себя миссию, посильную богам, культурным героям или первопредку – борьба с хаосом посредством создания гармонии.

Четвертая глава «**Влияние романного опыта Е.Д. Айпина на динамику жанра повести**» состоит из двух разделов и выявляет использование механизмов конструирования романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» для укрупнения повестной формы, что в результате приводит к созданию книги «У гаснущего очага». В этом заключается особенность пятой фазы жанровой динамики прозы Айпина конца 1970-х – начала 1990-х годов.

Первый раздел озаглавлен «“У гаснущего очага” Е.Д. Айпина: трансформация повести в “повествование”». Художественный опыт работы Айпина в жанрах повести и романа объединяется в книге «У гаснущего очага», что даёт возможность говорить об особой жанровой конструкции – «повествование». Е.М. Букаты формулирует на материале русской прозы его жанровые признаки: 1) изображение народного бытия «в ситуации утраты прошлого эпического единства и современного кризисного состояния мира», 2) «персонажи становятся проявлением нации, биография героя совпадает с биографией нации», 3) «копора на подлинность»¹³. В книге «У гаснущего очага» мифофольклорная составляющая надстраивается над основной сюжетной линией, «миф о народе» масштабируется, обрастает дополнительными аспектами: цикличность жизненного пути каждого человека и народа в целом, искусство, мифология и фольклор как способ сохранения культурного наследия народа и переход его в вечность, обряды и ритуалы как механизм слияния человека с народом и богами в разных пространственно-временных континуумах одновременно.

Автор использует привычный механизм укрупнения жанровой формы: моделирует, дополняет повестную форму уже существующих текстов (в данном случае повесть «Я слушаю Землю»). В книге «У гаснущего очага» главы повести для детей приобретают иное значение: они олицетворяют бесконечную повторяемость всего в мироздании, что зафиксировано и в названиях разделов («Вёсны», «Лета», «Осени», «Зимы»). Новые главы книги «У гаснущего очага» хантыйский прозаик создает по аналогии с главами из повести «Я слушаю Землю», а также он использует приём нанизывания структурных элементов текста, использованный в романе «Ханты, или Звезда

¹³ Букаты Е. М. Поэтика художественного пространства в прозе В. П. Астафьев: «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01. Томск, 2002. С 12.

Утренней Зари». Однако в случае повести в рассказах данный приём претерпевает изменение, то есть присоединяются не ответвления сюжетных линий, а главы и подглавы внутри разделов, что создает ощущение беспредельности повествования.

Укрупнение формы создается благодаря привычному для Айпина механизму, использованному в романе – разветвление системы персонажей: близкие и дальние родственники (бабушка главного героя и её сестра, дедушка Савва, брат Галактион, Коска Большой и т.д.), боги (Гром-Старик, Ветра-Сын, Матерь-Огонь и т.д.). Основная сюжетная линия расширяется посредством воспоминаний героев о родственниках, о времени смены власти и политического режима, некоторые из них конструируются с помощью механизма из романной формы: они становятся общими для нескольких героев. Масштабирование жанровой формы «повествования» происходит и благодаря развитию тематических линий (темы искусства, песни, семьи, преемственности поколений, взаимоотношения «своих» и «чужих» и т. д.), системы образов (небесных светил, природных явлений, Матери, шамана и т. д.), а также включения дополнительных деталей в различные элементы поэтики (диалоги, поведение героев, детали сюжета мифа-сказки и т.д.).

Второй раздел озаглавлен «“У гаснущего очага” как хантыйская версия “Лада” В.И. Белова: к специфике жанровых решений в традиционалистской культуре». Тематическая и композиционная рамы «Лада» В.И. Белова становятся образцом, «готовым словом», для Е.Д. Айпина, в книге «У гаснущего очага» прозаик создаёт систему представлений о бытие хантыйского народа. Е.Д. Айпин вслед за В.И. Беловым начинает повествование с обращения к читателям. Идеи преемственности поколений, всеобъемлющего восприятия мира, цикличности жизни у обоих авторов пересекаются, однако преподносятся они с разным смысловым посылом и оттенком. В.И. Белов стремится описать гармоничность народной крестьянской жизни, Е.Д. Айпин же пишет о народе, утратившем Душу и Веру.

Структура книги «У гаснущего очага» повторяет элементы конструкции «Лада». Н.И. Глушков фиксирует, что очерковая форма «безразмерна», существуют разные её разновидности (очерковая повесть, очерковый роман, очерковая книга, цикл очерков и т.д.)¹⁴. Жанровую природу «Лада» можно определить как цикл очерков, что подтверждается чёткой последовательностью частей, глав и подглав, объединенных определенными темами. В повести в рассказах «У гаснущего очага» циклическая форма становится способом масштабирования элементов поэтики: сюжет, тематическая организация, время-пространство, система персонажей и т.д. Структура книги Е.Д. Айпина повторяет идею цикличности, отражённую в очерке В.И. Белова в главе «Круглый год», что предопределяет в ней наличие

¹⁴ Глушков Н. И. Очерковая проза. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1979. С. 123.

четырёх разделов: «Вёсны», «Лета», «Осени», «Зимы». Хантыйский прозаик привносит новые смыслы в описание жизненного кругооборота, он повествует не только о быте и традиционных занятиях хантов, но и о событиях, повлиявших на судьбу всего народа и состояние его духовной основы.

В.И. Белов посвящает несколько глав мастерам (ремесленникам) и акцентирует внимание на аспектах их деятельности: 1) передача знаний из поколения в поколение; 2) материалы; 3) процесс работы; 4) отображение трудовых навыков мастеров в фольклоре. Е.Д. Айпин посвящает мастерам отдельный раздел «Шаманы и Сказители» и главу «Сотворенной Реки Человек» из раздела «Лета». В силу того, что главная тема повествования – утрата духовного наследия, хантыйский прозаик описывает мастеров, сохраняющих Дух культуры не только через материальное (объекты искусства), но и ментальное проявление (связь с Верхним миром). Глава «Застольщина» в очерке «Лад» становится образцом для главы «Божий Хлеб» в книге «У гаснувшего очага». Прозаик переплетает способы приготовления разных видов хлеба с культурой хантов, с её мифофольклорным началом, с размышлениеми о влиянии кризисного времени (смена власти, появление колхозов). По образцу В.И. Белова он дополняет фольклорный дискурс текстами в стихотворной форме (загадки, молитвы-благопожелания, молитвы-приглашения, молитвы-обращения) и описаниями хантыйских праздников. Если В.И. Белов использует их с целью демонстрации культурных аспектов быта крестьян, то Е.Д. Айпин включает их с целью сохранения духовной основы культуры и создания для читателя эффекта присутствия.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, обозначаются перспективные направления его дальнейшего развития. К ним относятся применение модели жанровой динамики прозы Е.Д. Айпина для аналитики жанрового мышления писателей малочисленных народов Севера, литературы которых находятся на разных этапах традиционалистской фазы словесного творчества. Кроме того, системный анализ цепочки механизмов и импульсов, формирующих романную форму, может быть продолжен в контексте изучения поэтики айпинских романов «Божья Матерь в кровавых снегах» и «В поисках Первоздемли». Необходимы также уточнения теоретического вопроса о временных рамках традиционалистской поэтики в связи с разнофазовостью литературного процесса на территориях Евразии, конкретизация понятия «готового слова» в контексте ситуации влияния текстов индивидуально-творческой фазы на формирование младописьменных литератур.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктор наук:

1. Степанова Ю. Н. Динамика прозы Е. Д. Айпина 1980-х – начала 1990-х годов от повестей к роману: мотив движения / Ю. Н. Степанова // Культура и текст. – 2023. – № 4 (55). – С. 106–123.
2. Комаров С. А., Степанова Ю. Н. Фольклорный дискурс в прозе Е. Д. Айпина 1980-х — начала 1990-х годов / С. А. Комаров, Ю. Н. Степанова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2024. – Т. 34. – № 4. – С. 889–896.
3. Степанова Ю. Н., Комаров С. А. «Старшой» Е. Д. Айпина: рассказ или маленькая повесть / Ю. Н. Степанова, С. А. Комаров // Слово. Текст. Контекст. – 2024. – № 2 (18). – С. 98–105.
4. Степанова Ю. Н., Комаров С. А. «Звезда утренней зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману / Ю. Н. Степанова, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. – 2024. – Том 10. – № 4 (40). – С. 87–99.
5. Степанова Ю. Н., Комаров С. А. Повесть Е. Айпина «Звезда утренней зари»: сюжет путешествия и миф о народе / Ю. Н. Степанова, С. А. Комаров // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2025. – Том 19. – № 2. – С. 229–237.

Прочие научные издания:

6. Степанова Ю. Н. Мотив движения в повести Е. Д. Айпина «В ожидании первого снега» / Ю. Н. Степанова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.) / под общ. ред. Ж.А. Храмушкина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. – Ч. 2. – С. 46–51.
7. Степанова Ю. Н. Мотив движения в повестях Е. Д. Айпина для детей «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» / Ю. Н. Степанова // Православные истоки русской культуры и словесности: сборник научных статей по материалам 39-й Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию Дней славянской письменности и культуры / под общ. ред. Н. В. Лабунец, Е. Н. Эртнер. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. – С. 115–119.
8. Степанова Ю. Н. Мотив движения в фольклоре и мифологии хантов / Ю. Н. Степанова // Множественность интерпретаций: язык и математика: материалы V студенческой научно-практической конференции ТюмГУ / под ред. Е. В. Михальковой, Н. А. Рогачевой. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. – С. 122–126.

9. Степанова Ю. Н. Мотив движения в аспекте временной организации повестей Е. Д. Айпина «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» / Ю. Н. Степанова // Российская наука в условиях реформ: практический результат инновационных трансформаций / гл. ред. О. Н. Науменко. – Тюмень: ООО «Международный институт», 2017. – Вып. 3. – С. 4–11.
10. Степанова Ю. Н. Повести Е. Д. Айпина «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю»: мотив движения в аспекте темы семьи / Ю. Н. Степанова // IV Рождественские чтения: межвузовский сборник научно-методических статей / под ред. З. Я. Селицкой. – Ишим: Издательство ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2017. – С. 59–64.
11. Степанова Ю. Н. Мотив движения в тематической композиции повестей Е. Д. Айпина / Ю. Н. Степанова // Syberia. Przeszłość i teraźniejszość. Rzeszów: Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020. pp. 228–236.
12. Степанова Ю. Н. Интуиция движения и онтоконстанты: Е. Айпин в контексте прозы национальных классиков империи (Ч. Айтматов, В. Белов) (1 раздел) / Ю. Н. Степанова // Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика: монография / С. А. Комаров и др.; отв. ред. д-р филол. наук С. А. Комаров. – М.: Наука, 2023. – С. 257–301.
13. Движение и берега: отклики читателей на статью К. Я. Лагунова «Берега гласности» (1989) / Подготовка к публикации Ю. Н. Степанова // Константин Лагунов: путь – наследие – вера / Сост. С. А. Комаров, О. К. Лагунова. – Тюмень: ИП Сайфуллин Т. А., ТООО «Общество русской культуры», 2024. – С. 294–326.